Мира Лавен

Память, которая ждала

Мира Лавен

Память, которая ждала

«Автор»
2026

Лавен М.

Память, которая ждала / М. Лавен — «Автор», 2026

Двенадцать лет назад Андрей похоронил жену. Теперь он получает необычное приглашение: поговорить с её цифровым образом. На это у него будет всего двадцать минут.Сначала кажется, что это возможность хотя бы ненадолго вернуть прошлое. Но во время разговора Елена задаёт вопрос о событии, произошедшем спустя годы после её смерти.**Откуда она знает то, чего знать не могла?**Пытаясь найти ответ, Андрей и его дочь Алиса сталкиваются не только с тайнами новой технологии, но и с собственными воспоминаниями, давними обидами и решениями, которые когда-то были приняты за них.«Память, которая ждала» — роман о любви, утрате, семейной близости и праве человека самому решать, что делать со своим прошлым.

© Лавен М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Двадцать минут 5
Глава 2. Номер обращения 11
Глава 3. Миска за дверью 17
Глава 4. У чужой двери 23
Глава 5. Три вечера 29
Глава 6. Экземпляр Елены 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Мира Лавен
Память, которая ждала

Глава 1. Двадцать минут

Андрей не открывал это письмо три дня.

В первый день он смахнул извещение, даже не дочитав имени отправителя. На второй убрал письмо в папку «Потом», откуда экран каждое утро возвращал ему одно отложенное дело. На третий отключил напоминание и с полудня сам проверял, на месте ли письмо.

Вечером двадцать третьего мая на кухне погас свет. Андрей сидел так неподвижно, что дом решил сэкономить.

— Я здесь, — сказал он.

Свет вернулся. На столе лежало направление на госпитализацию. Рядом стояла тарелка с яблоком. Он разрезал его на четыре части и съел только одну четвертинку. Когда-то Елена снимала с него кожуру длинной лентой, и он сердился, что она срезает слишком много мякоти. Потом выяснилось, что ему нравится есть яблоко именно так, а снять кожуру одной лентой он не умеет.

Он отнёс тарелку к раковине и подождал, пока отпустит колено. Последние полгода оно распоряжалось квартирой увереннее него. Табурет, на который он раньше вставал, чтобы достать банки, теперь стоял в прихожей. Стул с подлокотниками он сперва поставил у окна, где тот красиво смотрелся, а потом перетащил к кухонному столу, потому что с красивого места было некуда идти.

Утром двадцать четвёртого за ним должна была приехать машина. В памятке просили держать сумку у двери. Он собрал её вчера, а сегодня дважды вынимал тапочки. Первые были разношены и удобны, зато подошва отставала у носка. Вторые он купил к больнице и дома ни разу не надел. В конце концов положил обе пары. В семьдесят четыре года, решил он, человек ещё может позволить себе взять в больницу лишние тапочки, если уж за него решили, во сколько он будет завтракать и когда ему можно будет встать.

В переулке остановилась машина доставки. Пока она принимала пустые банки, женщина из соседнего подъезда стояла на солнце с закрытыми глазами. Когда у Андрея был Плюш, они часто заговаривали о собаках. Теперь только здоровались. Он всякий раз хотел спросить, как её зовут, и всякий раз решал, что поздно.

Из прихожей донеслось короткое дребезжание. На панели у двери замигал знакомый значок. Лифт опять застрял на первом с открытыми дверями. Андрей уже потянулся за тростью, когда услышал на лестнице голос нового мастера. Мастер попросил кого-то посветить и через минуту запустил кабину. Андрей убрал руку. Много лет весь дом звонил ему раньше, чем в диспетчерскую. Даже когда он ушёл на пенсию, люди ещё приносили ему ключи от щитка, словно ему одному можно было доверить то, что находится за дверцей.

Он принёс экран на кухню, прислонил к сахарнице и открыл письмо.

«Андрей Михайлович, для вас доступен разговор с Еленой Кореневой».

Ниже стояло её имя целиком. Елена Сергеевна Коренева. Он прочитал его с той аккуратностью, с какой теперь читал этикетки на лекарствах. В правом углу серел номер обращения. Ещё ниже ему предлагалось выбрать время. Вариантов было два: сегодня в восемь вечера и завтра в одиннадцать утра. Завтра в одиннадцать он уже будет без очков где-нибудь в больничном коридоре, а сумка с двумя парами тапочек уедет в палату без него.

Двенадцать лет назад у него уже было такое приглашение. Первое пришло вскоре после похорон. Тогда он набрал номер из письма и спросил, что услышит, если согласится. Девушка

ответила, что ему ответит Елена на основе материалов, которые она оставила. Он попросил девушку сказать эту фразу ещё раз. Ему показалось, что если она повторит, то сама услышит, какой вышел ответ. Девушка повторила слово в слово. Андрей поблагодарил и положил трубку.

С тех пор он перебрал все её записи, которые хранились дома. Самая короткая длилась три секунды. Елена звонила из магазина, чтобы спросить, нужен ли хлеб. Андрей успевал ответить «нужен», прежде чем запись кончалась. Первое время он и в самом деле отвечал. Потом слушал молча. Однажды попалась запись, где он на её вопрос сказал: «Да возьми какой хочешь, Лен». На заднем плане кто-то двигал тележку, а Елена после его ответа ещё секунду держала связь. Ему долго хотелось узнать, ждала ли она, что он скажет что-нибудь ещё. Он мог бы спросить её в тот же вечер, когда она принесла хлеб. Наверное, спросил бы, если бы знал, сколько раз потом прослушает эту секунду.

Он выбрал восемь вечера. На экране появилось подтверждение и сразу под ним предупреждение.

«Продолжительность разговора — двадцать минут».

Андрей попробовал посмотреть другие часы. Оба варианта были по двадцать минут. Это его немного успокоило. Он уже успел подумать, что по вечерам дают урезанное время.

До восьми оставалось сорок семь минут. Андрей попробовал вслух сказать «привет». Так он здоровался с Еленой, когда один из них возвращался домой. Если в ответ теперь тоже прозвучит «привет», он не знал, что скажет дальше. Он позвонил Алисе.

— Ты сумку собрал? — спросила она.

— Собрал.

— Документы положил?

— Они у меня на столе.

— Значит, ещё не положил.

— Значит, положу.

Слышно было, как у неё что-то шуршит. Он представил, что она идёт из конторы к остановке и зажимает экран плечом, хотя уже много лет для разговора ничего не надо было прижимать к уху.

— Я утром могу заехать, — сказала она. — Часам к семи.

— В семь машина будет здесь.

— У тебя в бумагах с семи до восьми.

— Ну и буду сидеть до восьми. Дома, слава богу, есть на чём.

Алиса помолчала. Он узнал это маленькое усилие, которое ей требовалось, чтобы не ответить. У Елены оно чаще всего заканчивалось тем, что она всё-таки отвечала.

— Ты зачем позвонил, пап?

Он посмотрел на экран. Ему надо было всего лишь сказать, что пришло письмо от «Свода». Алиса, наверное, нашла бы какие-нибудь слова, которые можно произнести отцу перед разговором с умершей матерью. Он сам ни одного такого слова придумать не мог.

— У тебя сегодня на работе как?

— Как всегда в мае. Все проснулись и обнаружили, что у них течёт крыша.

— У нас вот лифт встал.

— И ты, конечно, пошёл смотреть.

— Не пошёл.

— Хорошо.

Она сказала это сразу, и ему стало приятно. Он даже хотел рассказать, что новый мастер нашёл причину за минуту. А тогда пришлось бы признаться, что он слушал у двери и сам попробовал бы сначала совсем другое.

— Позвони, когда доедешь, — сказала Алиса.

Уже после звонка Андрей понял, что она так и не сказала, приедет ли утром.

Он сложил документы в сумку, вынул новые тапочки и сунул вместо них кабель для зарядки. До сеанса оставалось двадцать девять минут. Андрей пошёл в ванную, умылся и сменил рубашку. У чистой рубашки было тесно в шее. Он расстегнул верхнюю пуговицу. На случай, если появится изображение, отодвинул со стола контейнер с таблетками и убрал из кадра сушилку, которую обычно ставил у батареи. Елена никогда не убирала сушилку перед гостями. Она считала, что если они пришли к людям, то могут потерпеть чьи-нибудь носки.

В восемь Андрей сел. На экране появилась кнопка начала разговора. Под ней было написано, что изображение для этой встречи недоступно. Он провёл пальцами по вороту рубашки, словно проверял, хорошо ли застегнулся, и нажал.

Сначала раздался слабый щелчок. В углу пошли секунды. Андрей успел увидеть 20:00.

— Андрюш?

Он приготовился услышать похожий голос. У него даже был ответ на случай, если голос покажется чужим: «Здравствуйте». На это «Андрюш» он повернул голову к двери. Так она звала его из комнаты, когда руки у неё были заняты и надо было, чтобы он подошёл сам.

— Да, — сказал он.

— Привет.

Елена произнесла это вполголоса. В квартире всегда можно было говорить вполголоса, если в комнате их было двое. Когда он жил один, ему казалось, что если он заговорит так же тихо, его вообще никто не услышит.

— Лен, я тут.

— Слышу.

Ему хотелось спросить, где она. Он посмотрел на стол, подвинул сахарницу и поймал экран, который чуть не опрокинулся. Руки остались на нём с обеих сторон. Если бы он понимал, чего ждёт от этих двадцати минут, наверное, смог бы начать с этого. Пока ему хотелось только услышать ещё одно её слово.

— Что у тебя там гремит? — спросила Елена.

— Сахарница. Та самая.

— С отбитым краем?

— Я её повернул к стене.

— Ты и тогда её к стене поворачивал. Только при гостях всё равно ставил целой стороной к себе.

— Почему это?

— Ты думал, что раз тебе скола не видно, его вообще не видно.

Он рассмеялся в самый неподходящий момент. Горло сжало, и смех оборвался. Андрей потянулся за стаканом и понял, что налить воды себе так и не догадался.

— Я думал, у тебя будут какие-нибудь заготовленные слова, — сказал он.

— Какие?

— Ну, вроде «рада тебя слышать».

— Рада тебя слышать. Так лучше?

Он откинулся на спинку. У неё получилось сказать это с той сухостью, с какой она обычно выполняла нелепую просьбу, чтобы человек сам услышал, о чём просит.

— Лучше, — сказал он. — Ещё как.

Её можно было спросить о чём угодно. Например, где лежит маленькая отвёртка с красной ручкой, которую он искал с самой зимы. Она бы ответила: там, где ты её положил, и почти наверняка после этого назвала бы место. Можно было спросить, о чём она думала в последнюю неделю, когда смотрела мимо него на окно. За двенадцать лет он успел придумать для этого взгляда столько причин, что теперь боялся получить ещё одну. Поэтому спросил про отвёртку.

— Если маленькая, посмотри в жестянке из-под чая, — сказала Елена. — У тебя там всё, что легко потерять. Поэтому ты её и не открываешь.

Жестянки давно не было. Крышка перестала держаться, и Андрей высыпал содержимое в ящик с инструментами. Это случилось уже после похорон. В ящике он искал первым делом. Он испытал облегчение оттого, что она ошиблась так понятно. Нашлось место, где кончалось её знание и начинались его двенадцать лет. Там он хотя бы понимал, чем может с ней поделиться.

— Жестянку выбросил, — сказал он. — Она развалилась.

— Сколько же она у нас простояла?

— Лет двадцать. Ты мне в ней первый раз пирог принесла.

— Я пирог принесла в полотенце. В жестянке было печенье.

Он открыл рот, чтобы возразить, и вспомнил тёмное пятно на полотенце. Пирог тогда ещё не остыл. Елена держала его обеими руками, а Андрей, открыв дверь, сперва спросил, почему она пришла так поздно. Ей пришлось самой попросить его отступить, чтобы поставить горячее на стол.

— Правда, — сказал он.

Прошло почти пять минут. Он попробовал положить экран плашмя, чтобы не видеть отсчёт, но голос стал глуше, и Андрей снова прислонил его к сахарнице.

— Я завтра в больницу ложусь, — сказал он.

— А что случилось?

— Колено. Дождался наконец.

— Боишься?

— Нет. Там всё давно умеют.

Елена ничего не сказала. Он вспомнил, что именно таким тоном отвечал ей, когда спускался в шахту после затопления и знал, что там придётся работать по пояс в воде. Она тогда принесла ему сухие носки к подъезду и не спросила вторично. Он ведь мог и сейчас просто сказать «да». Слово было короткое, даже времени почти не отняло бы.

— Дома потом трудно будет, — сказал он. — Кровать низкая. Надо было ещё зимой поднять.

— А ты спросил, кто сможет помочь?

— С кроватью?

— Тебе.

Он двинул повреждённой ногой. Стул коротко скрипнул. Елена при жизни могла сидеть рядом с ним, складывая полотенца, и спросить что-нибудь такое, после чего он всерьёз принимался считать плитки на полу. Сейчас плиток было столько же. Чистые швы вокруг стола, серые возле плиты, одна трещина от угла дверцы до холодильника.

— Алиса хотела утром зайти, — сказал он.

— Ты хочешь, чтобы она зашла?

— Ей на работу.

— Понятно.

Он насторожился. У Елены было несколько способов сказать «понятно». Этот он не сумел отнести ни к одному. Может быть, там вообще не было ничего, кроме слова, и он впервые услышал, сколько смысла раньше добавлял сам.

— Она теперь старше, чем ты её помнишь, — сказал он. — Ей сорок один. Я в её годы думал, что до пенсии ещё целая жизнь.

— Мы в июле переезжали. Она у тебя коробки подписывала.

— У меня? Да я до ночи их таскал. Это вы вдвоём подписывали.

Алиса в тот год уже жила отдельно и явилась к ним с маркером, заявив, что больше ни одна коробка с книжками не будет называться «прочее». Андрей помнил, как они с Еленой сидели на полу, ели купленные по дороге пирожки, а дочь выставляла коробки вдоль стен и вычёркивала их из списка. Ему тогда казалось, что у Алисы ко всему найдётся список, кроме

собственной жизни. Он потом даже сказал ей это, в шутку. Алиса выдернула лист из-под его пустой чашки, сложила вчетверо и ушла за следующей коробкой.

— Она всегда знала, что где лежит, — сказал Андрей.

— Она приходила и спрашивала.

Он хотел ответить, что теперь она по любому поводу сперва звонит в службу и только потом ему. За этим сразу понадобилось бы объяснять, с чего она начала так делать и когда перестала. На Елену в те годы он тоже жаловался Алисе. Он пересказывал дочери их ссоры утром, когда жена ещё спала, и к вечеру удивлялся, что они обе сердятся.

— У нас с ней всё нормально, — сказал он.

Из соседней квартиры донёсся плеск. Там недавно поселились люди, которые поливали цветы над общей сливной трубой. Вода шумела, как в ведре. Андрей поднял глаза на таймер. Времени оставалось меньше шести минут.

— Тогда я спрошу кое-что про Алису, — сказала Елена.

Он посмотрел на своё отражение в чёрной полосе над её именем. Пожилой мужчина в чистой рубашке, с воротом, который стоял криво. Отсюда, наверное, тоже было видно, сколько ему лет. Он вдруг обрадовался, что у Елены нет изображения. За первые минуты она привыкла бы к его голосу, а потом, если бы увидела, на его глазах поняла бы, сколько времени прошло.

— Спрашивай.

— В феврале шестьдесят седьмого Алиса забрала Плюша. Зачем ты потом выставил за дверь его миску и налил туда воды?

Он подался вперёд. Сахарница сдвинулась по столу, и на этот раз он не стал её ловить.

— Какого февраля?

— Семнадцатого. Уже вечером. Плюша дома не было.

Андрей помнил белую полоску, которую оставила миска на пыльном коврике, когда он её подвинул. Помнил холод на ступне. Он вышел в одном тапке, второй так и стоял у кухонного стола. Плюш, когда пил, гнал миску языком по плитке, и по этому стуку Андрей узнавал из комнаты, что пёс вернулся с прогулки. В тот вечер в подъезде стояла тишина. Вода в миске едва качнулась, когда Андрей опустил её на пол.

— Ты откуда про неё знаешь?

— Давай сначала про тот вечер, — сказала Елена. — Зачем ты налил воду?

— Это же было после тебя.

Он сразу услышал, как это прозвучало. Среди тех, кто помнил Елену, давно говорили «до» и «после», имея в виду её смерть. Ей самой он раньше так не говорил.

— Да, — сказала она.

Её ответ оказался хуже удивления. Она не попросила повторить год. Не сказала, что Андрей что-то перепутал.

— Я мог рассказать кому-нибудь про собаку, — сказал он. — Алисе. У нас дома об этом и говорить-то было нечего. Она же сама его увезла.

— А ты помнишь, зачем поставил миску?

Он почувствовал раздражение, почти благодарный за то, что может почувствовать хоть что-нибудь знакомое. Даже когда спорили дома, Елена редко задавала один вопрос дважды. Обычно, если он уклонялся, она начинала мыть посуду, и всё остальное он договаривал ей в спину. Здесь она всё ещё была с ним. Андрей видел, как меняются цифры, и хотел заставить её сказать что-нибудь другое. Хоть раз выговорить своё «да оставь ты эту миску, Лен» и услышать, что она ответит.

— Я подожду, — сказала Елена.

В прихожей щёлкнул замок у соседей. Кто-то вышел на лестницу. Андрей услышал шаги, дошедшие до лифта, и узнал собственную привычку считать их до двери. В тот февральский вечер он слышал людей на площадке и мог по шагам отличить женщину из квартиры напротив

от её мужа. Алиса, когда поднималась пешком, останавливалась перед последним пролётом, чтобы достать ключи, даже если шла в гости и открывать предстояло не ей. Елена когда-то смеялась, что дочь всюду носит с собой дом. Андрей подумал, что мог бы сейчас рассказать ей про ключи. Про то, что в тот день Алиса ушла, не забрав миску. Про то, как он оставил верхний замок открытым, хотя потом до полночи прислушивался и каждый раз слышал шаги мимо.

До конца оставалось меньше минуты.

— Лен, ты меня слышишь?

— Слышу, Андрей.

— Я налил, потому что…

Он посмотрел на её имя. Ему пришло в голову, что если договорит сейчас, то последнее, что он скажет ей за двенадцать лет, окажется про тот вечер, когда он поссорился с дочерью. Как будто, если подождать ещё секунду, можно найти другие слова, которые будут стоить им обоим этих двадцати минут.

— Я завтра в больницу, — повторил он.

На этой фразе счётчик исчез. Андрей ещё несколько секунд держал руки на столе, чтобы случайно ничего не нажать. Потом над его отражением появилась надпись: «Разговор завершён».

Он коснулся имени. Экран вернул его к письму. Кнопка начала разговора больше не открывалась. Андрей убрал экран от сахарницы, положил на стол и встал. Колено отозвалось с запозданием, у самой раковины. Он налил стакан и выпил стоя. В кухне снова погас свет. На этот раз он промолчал.

Ему стало страшно, что к утру он перепутает слова. Он нашёл в ящике листок, перевернул его и написал: «17 февраля 2067. Миска. Вода». Ниже хотел записать «Плюш», но рука остановилась. Елена при жизни знала Плюша. Знала, как он толкает миску по полу. Могла догадаться, что Андрей нальёт воду даже в пустом доме. Семнадцатое февраля она назвала без запинки. Андрей сам до этого вечера мог бы вспомнить разве что месяц.

Он открыл семейный архив. Дата смерти стояла под её именем: 21 мая 2059 года. Ниже лежало то, что он сам туда положил: фотография с дачи, тот звонок про хлеб, её голосовое сообщение о том, что задержится минут на десять. Андрею вдруг захотелось включить хлеб. Он знал, сколько длятся эти три секунды, где она вдохнёт и где оборвётся запись. Оттуда никогда не приходило ничего, чего он не ждал.

Экран коротко дрогнул. Пришло извещение от «Свода». Андрей решил, что это благодарность за разговор. Он уже хотел закрыть его, но увидел внизу тот же серый номер, что был в приглашении.

«Место события: лестничная площадка».

«Дата события: 17 февраля 2067 года».

«Пояснение участника получено».

Андрей провёл пальцем по последней строке. Она не открывалась. Он попробовал ещё раз.

Он ведь так и не договорил.

Глава 2. Номер обращения

В темноте Андрей прочёл уведомление ещё раз. Он попробовал вспомнить, что сказал сразу после вопроса о миске, и с удивлением обнаружил, что помнит прежде всего собственное раздражение. Слова пришлось восстанавливать по одному. Он спросил Елену, откуда она знает. Сказал, что мог кому-нибудь рассказать про собаку. Это вряд ли можно было принять за пояснение, даже если очень хотелось закончить работу и идти домой.

Он нашёл под уведомлением кнопку «Уточнить». Кнопка вела к обычному окну переписки. Сверху стояло его имя, внизу мигала тонкая черта.

«Я не успел ответить», — написал Андрей.

Он перечитал фразу. Она звучала так, словно он просил дать ему ещё немного времени. Отчасти он этого и хотел. Даже сейчас, если бы снова засветилось имя Елены, он бы нажал сразу. Наверное, даже после того, как она спросила бы про миску в третий раз.

Андрей стёр написанное и спросил: «Какое пояснение вы получили?»

Появилась просьба указать номер обращения. Он посмотрел на уведомление. Номер стоял внизу, серый, восемь цифр через дефис. Андрей переписал его на листок, где уже записал дату, и только потом заметил, что на экране номер можно было скопировать. Он оставил всё как есть. Ему хотелось иметь перед глазами хоть что-нибудь, что не менялось само, стоило коснуться пальцем.

В окне возникло сообщение о том, что с ним свяжутся в рабочее время. Он посмотрел на часы. Со времени окончания разговора прошло семь минут. За эти семь минут в доме открылись и закрылись две двери, на лестнице кто-то кашлянул, и лифт, который днём чинили, съездил до первого этажа и обратно. Андрей успел отнести стакан к раковине. Он не мог понять, как ему теперь заняться чем-нибудь ещё.

Он открыл список контактов и набрал первые две буквы Елениного имени. Её номер он удалил давно. Прежде чем это сделать, переписал его в старую записную книжку, хотя помнил наизусть. Теперь первым в списке стоял электрик, Егор. Когда Андрей по ошибке позвонил ему прошлой зимой, Егор спросил, что сломалось, и был готов прийти. Андрей так и не придумал, что ответить. Сказал, что уже починил.

Он позвонил Алисе. Она сняла после второго сигнала.

— Что забыл?

— Ничего. Ты дома?

— Дома. А что?

Она ответила чуть торопливее, чем днём. Он представил её у плиты. Когда Алиса жила с ними, Андрей дожидался, пока хлопнет дверь, и ставил на огонь сковороду.

— Можешь сейчас поговорить?

— Да. Секунду.

В трубке стукнуло. Потом стало тихо.

— Что случилось, пап?

— Я только что с мамой разговаривал.

Первые слова после этого могла произнести только Алиса. Андрей сидел у погасшего окна и ждал. Из всех людей, которым он мог бы сейчас позвонить, ей одной вообще не требовалось объяснять, кого он назвал мамой. И всё же ему пришлось продолжить.

— От «Свода» письмо пришло. Предложили разговор. Я согласился.

— Сегодня?

— Только что закончили.

— Ты же мне звонил перед этим.

— Звонил.

— И ничего не сказал.

Андрей просунул руку между столом и стеной, нащупал там выключатель. В кухне стало светло. На листке чернильная черта между двумя частями номера оказалась длиннее, чем он думал.

— Я собирался, — сказал он.

— А потом спросил про крышу.

— Про работу я спросил.

— Ну да.

Она сказала это без насмешки. Если бы Алиса сама собиралась поговорить с Еленой, Андрей попросил бы включить связь хотя бы на минуту. И был бы уверен, что просьба совершенно естественная.

— Ты можешь мне рассказать, как это было? — спросила она.

Он приготовился говорить про уведомление. Хотел зачитать его целиком и спросить, у кого она могла узнать про лестничную площадку. А теперь боялся, что, если начнёт с этого, она уже никогда не спросит, как звучал голос.

— Она поздоровалась, — сказал он. — Я сперва на дверь посмотрел.

Алиса молчала. Где-то у неё тихо щёлкнуло, звук был похож на выключатель плиты.

— Ну как она тебя звала? — спросила она.

— Андрюш.

— Так она из комнаты звала. Когда ей надо было, чтобы ты пришёл.

— Да.

— А меня она всегда звала «Лис», когда я домой входила, — сказала Алиса. — Я бы с этого начала. Попросила бы её так меня позвать.

— Она про меня спрашивала? — сказала Алиса.

Он знал, что ответить надо сразу. Промедление уже означало что-то своё.

— Я сам про тебя сказал. Сказал, что тебе сорок один.

— И что она?

— Мы про переезд вспомнили. Ты тогда на коробках всё подписывала.

— Там двадцать коробок было. Ты только на одной написал, что в ней. «Кухня». В кухне шесть шкафов.

— Зато понятно, куда нести.

Алиса коротко засмеялась. Андрей давно не слышал, чтобы она смеялась, когда речь шла о Елене.

— А потом она спросила про Плюша, — сказал он.

Смех кончился.

— Что про Плюша?

— Про тот раз, когда ты его забрала.

— Какой раз?

Андрей чуть не сказал «ты прекрасно знаешь». Он сам не смог бы сейчас назвать дату, если бы она не лежала на листке перед ним. Алиса могла забирать Плюша и раньше. Когда Елена ещё жила, они оставляли его у дочери на выходные. Алиса клала старое полотенце возле кровати и каждое утро обнаруживала пса на подушке. Она жаловалась обоим, потом покупала ему сушёные уши и снова звала к себе.

— Семнадцатого февраля, в шестьдесят седьмом, — сказал он. — После того, как я упал.

— Погоди. Она сама назвала дату?

— Сама. Спросила, зачем я выставил его миску на площадку. Вечером. Плюша уже не было.

— Какую миску?

— Которую он гонял по кухне. Синюю.

— Я помню миску. Я спрашиваю, она так и сказала — что ты выставил её на площадку?

— Да. И что воды налил.

Сейчас он мог бы спросить Алису, не возвращалась ли она всё-таки тогда к нему. Может, подошла, увидела миску и ушла, решив, что он уже лёг. Он попробовал представить, как она стоит за дверью, а он на кухне слышит её шаги и принимает их за чужие. У него сразу нашлись подробности, которых он не мог знать. Она ставит сумку на ступеньку. Берётся за ручку. Прислушивается.

— Ты потом кому-нибудь рассказывала? — спросил он.

— Про то, что забрала Плюша, могла. Про воду мне откуда знать?

— Я думал, может, ты за миской заходила.

— Я бы позвонила. У тебя ещё звонок через раз работал.

Это он помнил. Звонок обходился без батарейки, пока кто-то при ремонте не снял наружную кнопку и не поставил новую. Её надо было нажимать в левом углу. Андрей всё собирался исправить, потом привязался к мысли, что люди, которым действительно нужно к нему попасть, постучат.

— Ты мне веришь? — спросил он.

— Что тебе это сказали? Верю.

Он ждал продолжения. Алиса, видимо, тоже поняла, что он ждёт.

— Пап, я не знаю, что тебе сказать про маму. Я же её не слышала.

У Андрея опять защемило в горле. Он мог рассказать Алисе, какие слова произнесла Елена. Труднее было объяснить, почему после первого же «привет» он заговорил вполголоса, как будто она и правда в соседней комнате.

— Потом вылезло уведомление, — сказал он. — Что пояснение получено.

— Какое пояснение?

— Вот и я спросил.

— Что ты ей ответил?

— Ничего про миску. Сказать начал. Потом заговорил про больницу.

— Ты мог подтвердить, что она стояла за дверью. Они иногда и это объяснением называют.

— «Пояснение участника». Так написали. Как будто я куда-то пришёл давать показания.

— А в письме перед разговором у тебя что было?

— Имя. Время можно было выбрать.

— Больше ничего?

— Номер в углу, — сказал Андрей и посмотрел на листок. — Я его даже не прочёл тогда.

Алиса попросила прислать уведомление. Он нажал на значок пересылки, но вместо адресов появилась надпись «Сохранение доступно в личном кабинете». С первого раза он не понял, почему ему предлагают куда-то входить, если всё уже открыто перед ним. Нажал ещё раз. Надпись исчезла и через секунду вышла на том же месте.

— Утром покажешь, — сказала Алиса. — Ты можешь просто оставить всё как есть.

— Я и оставил. Мне теперь только ждать, пока они сами решат, что дальше?

— Ты им уже написал. Завтра ответят.

— Завтра у меня операция.

— Я помню.

Он услышал, что сказал это так, словно она виновата и в том, и в другом. Перед сеансом Алиса предложила к семи заехать, и он принялся объяснять ей, что машина и без неё знает, куда ехать. Ему только теперь пришло в голову, что она могла хотеть просто побыть с ним до отъезда.

— Ты правда можешь к семи? — спросил он.

— Могу. В шесть сорок пять буду у тебя. Если рано, скажи.

Он посмотрел на сумку в прихожей. Молния с одного края была раскрыта. Ему оставалось положить зарядку, которую он уже один раз положил и снова вынул, когда понадобился экран. Вдвоём можно было бы сидеть и ждать машину. Придумывать, для чего ещё нужно, чтобы Алиса пришла, было утомительно.

— Приходи, — сказал он.

Она не сразу ответила. Наверное, уже готовилась сказать, что больше спрашивать не будет.

— Приду, — сказала она наконец.

Ему захотелось попросить, чтобы она вошла своим ключом и не звонила. Было приятно представить, как утром она сама откроет, оставит куртку в коридоре и позовёт его с порога. Потом он вспомнил, что никогда не спрашивал, остался ли у неё ключ. Несколько лет назад, когда он поменял замок, он отдал ей новый прямо у подъезда. Алиса тогда спросила, для каких случаев ей его держать. Ему показалось, что ответ очевиден, и он сказал: «На всякий случай». Её, кажется, интересовало именно то, чего он так и не сумел сказать.

Можно было пожелать друг другу спокойной ночи. Андрей уже услышал, как она выдохнула, и понял, что она тоже считает разговор почти законченным. Ему всё ещё хотелось узнать, что происходило вокруг его имени, пока он три дня глядел на неоткрытое письмо.

— Ты давно со службой связывалась? — спросил он.

— На этой неделе.

Её голос изменился так мало, что чужой человек, наверное, не заметил бы. Андрей заметил. Она перестала подбирать слова на ходу.

— По какому поводу?

— Когда начали готовить твою выписку, мне прислали вопрос про домашнюю помощь. К нему была приложена выписка из старой карточки. Там было написано, что я согласовала порядок помощи после твоего падения. Я попросила уточнить запись.

— Ты к ним обращалась про тот февраль?

— Семнадцатого мая. Мне в тот же день подтвердили, что приняли. Я ещё ждала ответа.

Андрей придвинул к себе листок. Семнадцатого февраля, семнадцатого мая. Общее между датами нашлось сразу, и он на секунду за него ухватился, прежде чем понял, что это всего лишь одно и то же число. Зато стало ясно другое. Алиса знала про старый случай и связывалась со службой до того, как пришло письмо.

— Что ты им про меня написала?

— Что хочу знать, когда я именно это согласовала. Потому что я такого не помню.

— А про собаку?

— Я уже ответила.

— Я спрашиваю, что ты им написала.

Алиса помолчала.

— По-твоему, я решила устроить тебе разговор с мамой, чтобы она расспросила тебя за меня?

Ему стало неловко, что он искал объяснение, при котором обидеться можно было бы на неё.

— Мне бы понять, откуда Елена узнала.

— Мне тоже. Но ты почему-то спрашиваешь так, будто я уже знаю ответ.

Он прижал листок ладонью. На стене за столом осталась узкая мягкая вмятина от спинки старого стула. Елена заклеивала её сначала кусочком обоев, потом перестала, потому что он всё равно садился на то же место. Ему вдруг представилось, что она стоит рядом и ждёт, заметит ли он сам, как разговаривает с дочерью. Так было бы до смешного удобно. Елена могла бы вмешаться, и он потом считал бы, что всё уладилось.

— Ты могла мне сказать про карточку, — сказал он.

— Могла. Я думала, сначала узнаю, в чём там дело. Тебе и так к операции готовиться.

— Вот и я тогда мог бы тебе сказать про письмо. Тоже думал, сперва сам разберусь.

В этот раз в трубке ничего не стукнуло и не шуршало. Андрей сидел прямо, держа ладонь на листке. Ему показалось, что больше он за весь вечер не сказал ни одной фразы, которая обошлась бы ему так дорого. В то же время Алиса услышала её с первого раза, и повторять не пришлось.

— После больницы я решила больше не навязываться, — сказала она. — Думала, если тебе надо, ты сам скажешь.

Он вспомнил, как когда-то вернулся из больницы и обнаружил, что молоко в холодильнике прокисло. Банка была почти полная. Он вылил молоко, вымыл банку и поставил горлышком вниз, потому что так делала Елена. Потом пришла Алиса с пакетом продуктов, уже намного позже, когда он снова мог ходить в магазин. Он тогда взял пакет и не расспрашивал, отчего она так долго собиралась. Она работала, жила на другом конце города. Андрей в те годы мог найти для неё десяток уважительных причин и всё равно принять каждую на свой счёт.

— Я же говорил, что справлюсь, — сказал он.

— Да, говорил.

Алиса ответила так спокойно, что он не решился спросить, чего ещё она ждала. Он и сам пока не знал, что мог бы сказать вместо этого. Про молоко? Про то, что оно ему вообще было не нужно и он всё равно поставил банку сохнуть, словно кто-нибудь придёт и заметит порядок на кухне?

— Кофе будешь утром? — спросил он.

— Буду. Я сама сварю.

Он посмотрел на пустую кофейницу. Вычистил её с утра и оставил у мойки, потому что завтра самому было нельзя. Теперь хотя бы было для кого её поставить.

— Только посмотри пока, что ты им отправляла, — сказал он. — Может, там есть ответ и ты его пропустила.

— Сейчас посмотрю. Ты не отключайся.

Андрей включил громкую связь. Пока Алиса искала своё обращение, он подтащил сумку ближе и проверил внутренний карман. Направление лежало там, где он его оставил. Под ним нашлась записка с номером отделения, переписанным крупно. Он положил её поверх документов, чтобы утром отдать Алисе. Потом представил, как объясняет ей, кому звонить, если машина задержится или его долго не будет на связи. Ему стало легче оттого, что самое обычное дело можно было ей поручить, а потом узнать, согласна ли.

— Нашла, — сказала Алиса. — Тут всё как было. «Принято к рассмотрению». Дата семнадцатое, больше ничего нового.

— Прочитай, что там от тебя.

Она прочла. Андрей ждал услышать «падение» или «собака». В тексте было «прошу уточнить, на основании чего внесли согласие». Алиса указала дату карточки и написала, что не помнит, чтобы договаривалась с отцом о дальнейшем уходе. Это было всё. Он не знал, чего ждал, когда попросил прочесть. Наверное, скрытого упрёка, который можно было бы опознать по одному знакомому слову. Алиса написала так, как писала на работе, когда мастер возвращал заявку со словами «устранено», а у жильцов всё ещё текло с потолка.

— Слышишь? — сказала она. — Мама вообще нигде не упоминается.

Андрей хотел сказать, что верит ей. Помешало то, что ему теперь предстояло словами подтвердить, что ещё десять минут назад он мог не верить. Он поднял сумку за ручку и поставил на табурет. Теперь утром не придётся низко наклоняться.

— Погоди, — сказала Алиса. — В твоём письме внизу что написано? Под временем. Дойдёшь туда?

Он взял экран. Извещение ещё было открыто. Под серым номером нашлась ссылка на исходное письмо. Андрей нажал на неё и снова увидел имя Елены. В первый раз ему пришлось прочитать целиком. Теперь хватило двух букв, чтобы сердце отозвалось быстрее, чем он успел сообразить, что голос больше не включится.

— Внизу номер, — сказал он.

— Написано «сеанс» или «обращение»?

— Обращение.

— Прочитай.

Он взял листок, хотя мог прочитать с экрана. Начал с первых четырёх цифр. На последней из них Алиса сказала: «Подожди». Он решил, что говорит слишком быстро. Повторил медленнее.

— Теперь после черты, — сказала она.

Он прочёл оставшиеся цифры. Алиса ничего не ответила. Ему пришло в голову, что нужно проверить, не ошибся ли он, когда записывал. Он приложил листок к нижнему краю экрана. Ошибки не было.

— Это мой номер, пап.

— Откуда ты знаешь?

— Я на него смотрю. Он под моим запросом. Весь, до последней цифры.

Андрей снова открыл уведомление. Когда появились слова о полученном пояснении, он накрыл пальцем дату, словно она мешала читать. Осталось место события и тот же номер.

— Скажи ещё раз, чего ты у них просила.

— Я попросила объяснить, когда мы с тобой договорились.

До этой минуты Андрей думал, что «Свод» наконец вспомнил о приглашении, которое он отложил двенадцать лет назад. Теперь перед ним были дата старого визита, имя Елены и ответ службы на вопрос Алисы. Дочь подала его шесть дней назад.

— Пап, — сказала она. — Почему тогда вызвали маму?

Глава 3. Миска за дверью

В шесть сорок пять Алиса позвонила в дверь. Свой ключ она обычно держала во внутреннем кармане сумки. Ночью выложила его на стол вместе с зарядкой, а утром, собираясь к отцу, долго искала. Ключ нашёлся у футляра для очков, прилипший к мягкой подкладке. Пока искала, Алиса успела решить, что отец, наверное, уже переоделся и сидит у двери, а потом — что он проспит и придётся открывать самой.

Дверь отворилась почти сразу. Андрей был в брюках и рубашке, поверх которой надел старый жилет. В нагрудном кармане у него лежала сложенная пополам записка.

— А я думал, ты своим откроешь, — сказал он.

— Ты же дома.

Он придержал дверь ногой, пока она снимала куртку. В прихожей пахло мылом. Сумка стояла на табурете, ручками к выходу. Алиса потянулась к ней, чтобы проверить, тяжёлая ли, и поймала отцовский взгляд. Сумку она оставила в покое.

— Кофе ещё хочешь? — спросил отец.

— Хочу. А ты ничего не пил?

— До скольких велели воду, до стольких пил.

— Я просто спросила.

— Я просто ответил.

На кухне возле мойки стояла кофейница, рядом лежала сухая ложка. Андрей приготовил всё, кроме воды. Алиса налила её из крана и поставила кофейницу на плиту. Сколько насыпать, помнила рука. Дома она пила кофе из высокой чашки, разбавленный почти наполовину. Здесь доставала из шкафа маленькую, с толстыми стенками, и всегда наливала до края. Когда она уходила из родительского дома торопясь, мать делала ей крепкий кофе в этой чашке и говорила, что за две минуты его вполне можно выпить. Можно было, если дать ему немного постоять, пока ищешь шарф, запираешь окно или споришь через всю квартиру о том, чей сегодня черёд покупать хлеб.

— Машина когда? — спросила Алиса.

— Прислали, что будет через тридцать пять минут. Две остановки передо мной.

Панель в прихожей с утра сообщала жильцам о гостях, доставках и машинах, только если их ожидали. Отец попросил её оставить звук на случай, если водитель позвонит с улицы. Алиса как следует повесила куртку, чтобы рукав не закрывал динамик, и вернулась. Андрей уже положил перед ней свою записку.

— Это отделение. Если я сам долго не позвоню.

Она взяла бумажку. Такой же номер был в памятке, которую она получила неделю назад, но на бумажке отец крупно написал фамилию врача. Последняя буква вышла за сгиб.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Будет у меня.

Андрей сел к столу и посмотрел на кофейницу. Он сказал, что всю ночь то просыпался, то засыпал. В один из таких разов взял экран и открыл вчерашнее письмо. Часов в пять, когда разбудили птицы, видел его в третий раз.

— Хотел, чтобы там опять была кнопка, — сказал он. — Я бы сначала спросил, как она узнала про Плюша. Пока время ещё есть.

Алисе пришло в голову, что она и сама первым делом стала бы спрашивать про собаку, только если бы очень хорошо подготовилась и заранее решила не тратить время ни на что другое. Вчера, слушая отца, она поняла про себя одну неприятную вещь: если ей когда-нибудь предложат поговорить с матерью, она не сумеет отложить письмо даже до вечера. Ей, наверное, придётся потом уйти с работы посреди дня, сославшись на больной зуб или прорванный кран.

— Ты им ещё писал? — спросила она.

— Нет. Зачем два раза одно и то же.

— Они рано могут ответить. Только сейчас ещё семи нет.

Её собственный экран лежал на столе рядом с отцовским листком. Ночью, после звонка, Алиса нашла у себя папку со старыми бумагами. Папок таких было четыре. Названия она придумала в разные годы, когда каждый раз казалось, что отныне она будет складывать всё сразу куда следует. Под названием «Папа» обнаружились договор на ремонт окна, три чека и список вещей, которые понадобилось привезти в больницу в марте шестьдесят восьмого. Отчёт о падении нашёлся среди квитанций за старую квартиру. Она когда-то переслала его самой себе, чтобы открыть на большом экране и разобрать, что имели в виду под повторным осмотром.

— У меня есть копия отчёта, — сказала она. — Только там много всего. Я вчера посмотрела, что даты те, и закрыла. Хотела с тобой.

— Ты его со службы взяла?

— Тогда ещё. Ты подписал, что мне можно прислать памятку после первого визита. Они прислали её вместе с отчётом.

— Я подписал?

— Там простая вещь была. Что делать, если тебя ночью опять прихватит.

Отец помолчал. Алиса ожидала, что он спросит, зачем она вообще хранила эту памятку. Он потянулся через стол и придвинул к себе её экран. Она придержала его ладонью.

— Сейчас открою. Дай сначала кофе снять.

Кофейница зашипела у неё за спиной. Пока Алиса наливала, Андрей достал из ящика очки и протёр уголком рубашки. Со стороны казалось, что он приготовился внимательно читать чужую работу. Таким она видела его в детстве, когда он приносил домой схемы и сначала долго изучал их вверх ногами, потому что лист клали перед ним с другого края стола.

В отчёте было восемь страниц. Две занимали инструкции, что делать при ухудшении. Алиса пролистала их и нашла первую дату.

— Шестнадцатое, — сказала она. — Вот, смотри. Осмотр на дому. Ушиб, в больницу ехать пока незачем.

— Так я и сам им сказал.

— Тебя тогда спросили, можешь ли ты по комнате пройти. Ты взялся за шкаф и стоял. Я рядом была.

— По комнате я потом прошёл.

Она поставила чашку на блюдце и увеличила строчку. Здесь подробно перечислялось, где болит и где припухло. Как он упал, уместилось в двух словах: «В прихожей». Алиса это помнила. На полу лежал пакет с хлебом. Плюш рвался из кухни, и отец, уже сидя на полу, придерживал дверь пяткой здоровой ноги. Он боялся, что пёс вылетит на лестницу, если Алиса откроет входную.

— Ты тогда мне из прихожей позвонил, — сказала она.

— Сначала попробовал встать.

— Я так и поняла. У тебя вся рубашка на спине в пыли была.

Он взял свои очки за дужки, но надевать пока не стал.

— Это ты пса увезла вечером шестнадцатого?

— Поздно вечером. Мы тогда договорились на одну ночь.

— А утром семнадцатого ты позвонила и сказала, что не привезёшь.

— Я решила оставить его у себя ещё на несколько дней. Ты еле до двери доходил. Кто бы с ним гулял?

— На ночь я тебя сам попросил. А утром ты мне сказала, сколько он у тебя пробудет, и даже не спросила.

Алиса отпила кофе и обожгла язык. В то утро она звонила от подъезда. Плюш скулил и тянул поводок. Она тогда ещё подумала, что отец слышит за её спиной машины и даже не знает,

что собака стоит рядом. Можно было включить изображение и показать пса. Она торопилась и закончила разговор первой.

— Я в тот вечер собиралась вернуться, — сказала она. — Это я помню точно.

— За миской.

— За ней тоже. Тебе еды принести. Посмотреть, как ты ходишь.

— Проверить, значит.

— Посмотреть, как ходишь, — повторила она. — Я бы по телефону этого не увидела.

На мгновение Алиса снова увидела квартиру той зимой. Она стояла у входа с поводком в руке. Отец сидел на табурете, придерживая колено обеими ладонями. Плюш не хотел выходить без него, упирался всеми четырьмя лапами. Ей пришлось взять пса под живот и почти вынести за порог. Пока она возилась, Андрей успел раза два сказать, что она держит неудобно. Ей хотелось уже всё бросить, сесть рядом с ним на табурет, если бы нашлось место, и выговорить, как сильно она испугалась, когда он позвонил с пола и попросил просто подойти, между прочим, по дороге домой. Но Плюш брыкался, отец морщился от боли, и ни один из них так ничего и не сказал, что не относилось бы к собаке.

— Что тут дальше? — спросил Андрей.

Алиса пролистала ещё страницу. Под первой датой шли отметки того же дня. Ближе к низу был номер вечерней службы, под ним — фамилия сотрудника. Фамилия ни о чём ей не говорила. Первого человека, который пришёл после падения, она помнила хорошо. Он долго мыл руки и объяснял отцу, что коврик в прихожей лучше убрать. Отец слушал с таким искренним вниманием, что Алиса в конце поверила: утром коврик и правда исчезнет. В следующий раз она пришла, а тот лежал на прежнем месте. Только края были аккуратно расправлены.

— Здесь переход на семнадцатое, — сказала она. — Повторный визит. Тут отдельно отмечено, что сотрудник пришёл вечером. Ты его видел?

— Какого человека?

— Который вечером приходил. Служба. Тут фамилия, Федотов.

Андрей надел очки. Несколько секунд смотрел на экран. Алиса видела своё отражение рядом с его отражением, пока он не наклонил экран к окну.

— Я ему дверь открывал, — сказал он. — Он спросил, надо ли зайти. Я сказал, что уже ходил до кухни, пусть не разувается. Он ещё посмеялся. Вот это я теперь помню.

— Во сколько?

— Да откуда же я знаю, во сколько?

Алиса прокрутила страницу. Под фамилией стояли время начала визита и место осмотра. Она прочла их про себя, потом посмотрела на отца. Он уже тянулся к тому же месту.

«17 февраля 2067 года, 20:46. Контакт состоялся на лестничной площадке».

Под строкой, которую они едва дочитали, было маленькое фото. В углу кадра виднелась полоса порога, ниже — половина синей миски. Её поставили так близко к двери, что, открывая, можно было задеть краем. На дне плавало что-то белое, может быть, нитка с коврика. Рядом с фотографией сотрудник оставил запись: «При открывании двери просил придержать миску с водой, чтобы не опрокинулась».

Алиса увеличила снимок. Белая точка осталась на месте, чуть правее царапины. Она узнала саму царапину. Плюш любил цеплять край лапой, когда еда оказывалась посередине и он не мог её достать языком.

— Я его попросил придержать, — сказал Андрей.

Он говорил так, словно сейчас перед ним стоял тот сотрудник и ещё можно было объяснить, зачем. Алиса посмотрела на время повторного визита. К этому часу Плюш уже сутки был у неё. Она вспомнила, как ставила ему в коридоре суповую тарелку. Пёс выпил, стукнулся лапой о край и разлил половину воды. Она отнесла тарелку в ванную, вытерла пол, посмотрела

на время и решила, что к отцу уже поздно. Утром, сквозь сон, ей казалось, что пёс всё ещё дома у Андрея. Плюш тихо лежал под дверью её спальни и ждал, когда она встанет.

— Смотри, — сказала она. — Дату и место посмотри. У тебя в уведомлении написано так же.

Андрей достал свой экран. Открыл не с первой попытки. Вчера ему, наверное, хотелось с утра показать ей подозрительную строку, а теперь он водил пальцем по меню так осторожно, словно мог окончательно забыть дорогу к письму. Нашёл и положил оба экрана рядом.

В отчёте была площадка. В уведомлении тоже. Совпадала и дата. Между фотографией и именем Елены никакой связи Алиса пока не видела. Она только теперь в полной мере поняла, что отец вчера услышал вопрос о настоящей миске, которую видел кто-то ещё. Ей хотелось сразу с этим что-то сделать, узнать, кто держал отчёт открытым, пока отец разговаривал с матерью. За этой мыслью пришла другая. Если подробность можно было вычитать из восьми страниц старой бумаги, сколько из остального, что отец ей пересказал, тоже когда-то попало на чью-то страницу?

— Ты думаешь, она это видела? — спросил Андрей.

— Я не знаю, что ей показывали.

Он посмотрел на неё, услышав, видимо, то же самое, что услышала Алиса, едва произнесла эти слова. Будто в соседней комнате сидела Елена и ей можно было показать фотографию, а она потом пришла бы к ним на кухню, положила её на стол и спросила, что случилось с собакой.

— По крайней мере, — сказала Алиса, — нам теперь есть с чем прийти и спросить.

— И что им сказать?

— Что вот это было в отчёте, а потом прозвучало у тебя в разговоре. Пусть объяснят, как одно к другому попало.

— Мало ли у кого была копия.

— Мало ли, — согласилась она. — У меня вот была. Я вчера до ночи её искала.

Отец снял очки и аккуратно положил их дужками вверх. В углу экрана оставалась фотография. Миска была в кадре наполовину. Сотрудник, скорее всего, снимал порог, чтобы показать, где состоялся осмотр и почему он не входил дальше. Вода оказалась там кстати для отчёта, как в кадр случайной уличной съёмки попадает прохожий. Алису поразило, что отцу вчера задали вопрос именно про неё. В отчёте было многое: как он держится на ногах, отказался ли от повторного осмотра, какую помощь попросил. А Елена спросила, зачем он налил воду.

— Так зачем ты её выставил? — спросила Алиса.

Андрей поднял голову.

— И ты туда же.

Она уже собиралась ответить, что имеет право спросить. На секунду представила, как это прозвучит. Тогда, уже на пороге, она говорила, что если он всё-таки соберётся гулять с Плюшем, пусть хотя бы позвонит ей. Отец ответил, что и без собаки может оступиться. Она услышала в этом упрямство. Только много позже ей пришло в голову, что он сказал буквально то, чего боялся.

— Ты можешь не отвечать, — сказала Алиса.

— Да там нечего отвечать. По привычке. Я ему каждый вечер воду менял.

Он сказал это с готовностью, которая заставила её поверить. Она знала, как по вечерам собака ходила за ним из кухни в комнату и обратно. Андрей мог пройти мимо миски десять раз за день, а перед сном всё равно шёл к крану, пока вода не становилась холодной. Иногда Плюш уже спал, а отец приносил полную миску и ставил на пол так осторожно, будто шум мог его разбудить.

— И за дверь обычно ставил? — спросила Алиса.

Андрей взглянул на неё.

— В тот раз за дверь, — сказал он.

Плита коротко пискнула. Алиса выключила её. Нальёшь воду привычным движением, поставишь миску на знакомое место возле холодильника. До двери с ней надо было дойти. Чтобы дойти, надо было вспомнить, что Плюш ушёл, и всё равно взять миску в руки. На это она могла бы обратить внимание и вслух. Времени до машины оставалось достаточно, чтобы ещё раз подвести отца к тому же вопросу и дождаться, когда он разозлится. Алиса подумала, что обещала ему возможность не отвечать, и взяла чашку.

— Я ведь и правда хотела за ней зайти, — сказала она. — У меня тарелка была слишком мелкая. Он всю воду на пол выплеснул.

Отец чуть заметно улыбнулся.

— Это он умел.

Алиса поднесла чашку ко рту. Кофе остыл. В тот вечер она всё-таки могла съездить к отцу. До автобуса было пять минут пешком. Но после утреннего разговора ей казалось, что он выставит её вместе с пакетом еды. А в восемь сорок шесть он стоял за этой дверью и просил незнакомого человека придержать миску.

— Мог бы мне позвонить, — сказала она.

Он перестал листать.

— Мог, — ответил он.

Андрей вернулся к отчёту. Алиса занялась чашкой, чтобы не добавить к его ответу чего-нибудь за него.

На панели в прихожей раздался звонок. Андрей выпрямился. Машина только завершила предыдущую остановку. До подъезда оставалось девять минут. Он поднялся, опираясь на стол, и пошёл проверить, убраны ли очки для чтения в сумку. Очки остались лежать на кухне. Алиса взяла их, дошла до прихожей и протянула отцу. Он положил футляр во внешний карман.

— Только не бери сумку сама, пока не надо, — сказал он.

— Я и не беру.

— Я видел, как ты на неё посмотрела, когда пришла.

Она рассмеялась. Андрей застегнул карман и оставил руку на молнии. В другое утро он улыбнулся бы сам. Сейчас смотрел на сумку и ждал, пока пройдёт боль после нескольких шагов. Алиса стояла так, чтобы, если он пошатнётся, успеть подхватить под локоть. Он заметил и это, но промолчал.

— Я тут буду, пока не приедет, — сказала она.

— А на работу?

— Предупредила. Сегодня к девяти.

На кухне оба экрана успели погаснуть. Алиса включила свой и увидела ту же фотографию. Под ней стояло «Связанные записи». Она развернула раздел. Две строки вели к памяткам по уходу, третья — к обращению от семнадцатого февраля. Алиса сначала решила, что это вызов сотрудника. Потом заметила время: 11:32. И рядом, мелким шрифтом: «Требуется ответ». До вечернего визита оставалось больше девяти часов.

— Пап, подойди на минуту, — сказала она.

Андрей остался в дверях кухни.

— Лучше прочитай.

Алиса коснулась строки. Поверх фотографии открылось окно. Имя заявителя было скрыто. Вид обращения остался виден.

«Жалоба».

Алиса прочла это про себя. Слово казалось простым, пока она не увидела, к чему его прикрепили. Снова нажала на строку. Появилось окно с датой и несколькими закрытыми полями. Текста жалобы в её копии не было.

— Это было до того, как он пришёл к тебе вечером, — сказала она. — Кто-то подал жалобу.

Отец подошёл ближе. Алиса отодвинула чашку, чтобы он мог положить руку на стол. Андрей опёрся обеими и долго смотрел вниз. Она уже собиралась спросить, знает ли он об этом, когда увидела ещё одну строку, прямо под закрытым полем. В первый раз она приняла её за подпись того, кому выдали копию отчёта.

«Лицо, которого касается жалоба: Алиса Коренева».

Глава 4. У чужой двери

Машина приехала в семь девятнадцать. Андрей запомнил время, потому что все девять минут, которые оставались после сигнала, смотрел то на часы, то на Алису. Она закрыла отчёт только тогда, когда водитель позвонил в домофон. Поднялась, отнесла чашку в мойку и сполоснула. Оставить чашку на столе было бы быстрее. Андрей успел засунуть конверт с документами во внешний карман сумки и тут же вынуть его, решив, что Алиса заметит, как дрожит молния у него в руках.

— Пап, ты сам хочешь нести или мне взять?

Он услышал вопрос с опозданием.

— До машины возьми.

Она продела руку в ручки сумки. Одно дело они всё-таки уладили, пока ждали.

Водитель стоял у подъезда. Он спросил, едет ли дочь с ними. Андрей хотел ответить, что у неё работа, но Алиса сказала:

— До приёмного могу.

Водитель отступил, пропуская обоих. В машине было два свободных места, одно совсем низкое. Андрей сел повыше. Алиса подвинула сумку между своих ног и пристегнулась. Андрей устроил трость вдоль двери, так чтобы её удалось взять, не поворачиваясь. Пока он возился, двое пассажиров смотрели в окна с той особой старательностью, которая означает, что все заметили, сколько времени ты садишься.

На выезде из двора Андрей увидел, что окно на кухне осталось открытым.

— Если вечером заедешь за зарядкой, окно у меня прикрой.

— Ты зарядку забыл?

Он попытался вспомнить. Вчера положил кабель, вынул и оставил возле сахарницы. Сегодня мог сунуть его в сумку, пока ходил за очками. Не сунул.

— Забыл.

— У меня есть запасная. Завтра могу принести.

— Окно всё равно надо закрыть.

— Тогда заеду.

Пока машина пропускала трамвай, Андрей посмотрел на её руки. Алиса держала сумку за ручки, хотя та никуда не могла деться. У неё под ногтем большого пальца осталась светлая полоска. В детстве она отдирала ногтями этикетки от бутылок. Елена говорила, что за столом бутылку можно просто отодвинуть. Алиса отодвигала, а потом подтягивала поближе, чтобы доделать. Сейчас она не смотрела на отца. С тех пор как прочла в отчёте своё имя, ни разу не спросила его напрямик, откуда взялась жалоба. Он мог заговорить об этом сам. На повороте женщина напротив потянулась придержать его трость, и Андрей поблагодарил её громче, чем требовалось.

У больницы их высадили под навесом. За стеклом горела табличка с датой: 24 мая 2071 года. Андрей не сразу понял, почему под датой написано «Вы приехали вовремя». Такие слова обычно говорят, когда человек волнуется. Кому именно из вошедших их адресовали, было неизвестно. Он задержался, чтобы пропустить женщину с двумя пакетами, и створки начали закрываться. Пришлось подставить трость. Створки послушно разошлись.

В приёмном пахло мокрой одеждой, хотя дождя не было. У стены на стульях лежали куртки тех, кто успел подняться на второй этаж и оставил своим ждать. Мужчина в свитере стоял над одной такой курткой и говорил в телефон, что никто здесь никуда его не заберёт, пока не принесут результаты. На другом конце ему, судя по тому, как он трижды повторил «никто», не верили.

Андрей приложил направление к стойке. На нижней полке загорелась лампочка. Можно было идти в кабинет четыре. Он поискал взглядом четвёртую дверь. Оказалось, первые три находятся совсем в другом коридоре.

— Вот за тем углом, — сказала Алиса.

Он двинулся туда. Она шла рядом с сумкой. До двери оставалось шага три, когда Андрей заметил на ней табличку «Подготовка к выписке». Буквы были такие крупные, что ошибиться нельзя. Чуть ниже шла строка поменьше: «Первичный приём».

— Меня ещё даже не положили, а они уже выписывают.

— Может, здесь и принимают.

— Теперь, значит, принимают там, откуда выписывают.

За дверью негромко разговаривали. Андрей сел на ближайший стул. Нога гудела от поездки, и ему хотелось вытянуть её прямо в коридор. Он поставил трость поперёк коленей, чтобы никто не подумал, будто её можно переставить. Алиса села через одно место, поставив сумку между ними.

— Тебе ещё смену открывать, — сказал он.

— Откроют без меня.

Андрей привык думать, что без Алисы в диспетчерской обязательно чего-нибудь напутают. Она не раз объясняла ему, что на сменах они подменяют друг друга.

— Я спрошу, куда можно позвонить про выписку, — сказала она. — Чтобы потом тебя в палате не дёргать, если понадобятся вещи или надо будет тебя забрать.

Андрей повернулся к ней.

— Так ты у меня спроси.

— Я и собираюсь. Сейчас хочу узнать номер.

— Там же у тебя есть номер. Я дал.

— Номер отделения есть. Я не знаю, решают ли в отделении, кто тебя заберёт. Хочу понять, куда звонить, если тебя не будет на связи.

Она произнесла последнее медленно. Андрей слышал, что она старается говорить спокойно. Вчера по телефону они договорились, что она придёт. Он был доволен собой: сумел попросить о простой вещи. Утром ему понадобилось меньше часа, чтобы опять рассердиться на неё за то, что она пришла и что-то хочет сделать.

— Положи мой номер первым, если будут спрашивать, — сказал он.

— Я и не собиралась давать свой вместо твоего.

Мимо них провезли тележку. Алиса подтянула сумку к ногам.

— Про утро, — сказала она сама. — Ты хочешь, чтобы я запросила текст жалобы?

Ему успело представиться, что она уже всё запросила и просто сообщает. Потом он услышал вопрос как есть.

— Давай я сначала дождусь ответа на своё письмо. Если там один и тот же случай, может, пришлют сразу, из чего он состоит.

— Хорошо.

С этим она согласилась так быстро, что Андрей поднял глаза. Алиса смотрела на дверь кабинета. У неё было лицо человека, который решил повторить просьбу только один раз. Если с первого не услышали, значит, больше не будет просить.

— Если не пришлют, вместе посмотрим, где достать, — сказал он.

Алиса кивнула. Повернула к нему голову, будто хотела что-то сказать. В этот момент открылась дверь. На пороге стояла женщина в больничной куртке с закатанными рукавами.

— Андрей Михайлович? Заходите. С вами родственница?

— Дочь, — сказал Андрей.

— Я могу подождать снаружи, — сказала Алиса.

Он взял сумку. Вернее, потянул за ручки и понял по весу, что она ещё придерживает снизу.

— Останься пока. Тут, может, вдвоём быстрее.

Кабинет оказался маленький. Возле стола стояло кресло с подлокотниками и табуретка, до которой нужно было тянуться. Женщина передвинула табуретку к стене и назвалась Ольгой. Она спросила, принимал ли Андрей утром таблетки, была ли вода и кто привёз его в больницу. На последний вопрос он сказал: «Дочь». Алиса посмотрела на него. Он подумал, что она поправит насчёт машины, но она только опустила сумку на пол.

Ольга сверила время операции. До неё Андрею предстояли осмотр и разговор с врачом. Оставалось сдать верхнюю одежду, а вещи на первые сутки можно оставить при себе. Ольга привычно перечисляла всё это, переставляя на экране галочки. Когда дошла до контактов, развернула экран к Андрею. Его номер уже был вписан. Под ним пустовало поле.

— Здесь можно указать, с кем связаться, если вы после операции ещё спите или не можете к телефону подойти.

— Тогда Алиса, — сказал он.

Она назвала номер.

— А всё, что про выписку, мне, — добавил Андрей. — Я сам буду разговаривать.

Ольга подняла взгляд.

— Хорошо. Основной контакт — ваш. Отдельно у нас связь по уходу после выписки. Вы планируете домой?

— А куда ещё?

Ольга не ответила сразу. Она вывела на экран несколько строчек, прочла одну из них и снова повернула экран к нему.

— Здесь стоит, что семейная помощь недоступна. Вы один живёте?

— Один. А что значит «недоступна»?

— Пока никто не подтвердил, что сможет побыть с вами дома. В первые дни надо учитывать, как вы будете вставать ночью. Если всё пойдёт по плану, первое время вставать одному может быть трудно. Есть дневные визиты, есть ночные. Заявку смотрит городская служба. Мы начинаем узнавать заранее, чтобы потом никого не держать лишние дни.

— Семейная помощь недоступна, — повторил Андрей.

Слова были старые. Он помнил, как уже видел их на бумаге, только тогда речь шла о лёгких. Печатную выписку ему дали в марте шестьдесят восьмого, когда он стоял у гардероба и никак не мог продеть руку в рукав. Рука входила до локтя и в чём-то вязла. Он знал, что там просто завернулась подкладка, и всё равно к концу решил, что пальто придётся нести на себе как плащ. Санитар сел рядом на скамью, вывернул рукав и сказал: «Давайте теперь». Дома Андрей прочитал бумаги, сидя на той самой кровати, с которой теперь, по словам Ольги, будет трудно встать. Из всей выписки он, пожалуй, запомнил одну фразу. И ни разу её ни у кого не переспросил.

— Это они сейчас внесли? — спросил он.

Ольга открыла соседнюю страницу.

— Здесь текущий статус. Кто его собрал и по каким сведениям, я с приёма не вижу.

Андрей взглянул на Алису. Она сидела на табуретке, которую всё-таки вытащила от стены, и держала руки на коленях. Он ждал, что она скажет «я могу» прежде, чем станет ясно, о чём её спрашивают. Так обычно говорила Елена, когда попадала в комнату, где кто-то затруднялся назвать, чего хочет. В этот раз Алиса спросила:

— А на сколько ночей нужна помощь?

— После осмотра и операции будет понятнее. Обычно обсуждаем первые две недели, если есть трудности с опорой. Днём одно, ночью другое.

— Две недели я сейчас пообещать не могу, — сказала Алиса. — Мне надо знать даты.

Она обращалась к Ольге, хотя Андрей сидел ближе. Он кивнул, и тут же захотелось добавить, что две недели ему и не нужны. Поднимется ночью, если придётся. Он мог бы подробно объяснить, как поставит стул у кровати и будет вставать с опорой. Но когда утром дошёл от стола до прихожей, пришлось переждать боль у сумки. Любой человек, который видел его в ту минуту, имел право спросить, куда он денет стул, когда захочет ночью дойти до уборной.

— Мне в прошлый раз днём приходили, — сказал он.

— Можно и сейчас подать на визиты, — ответила Ольга. — Главное, чтобы ночное время тоже оценили. Вы до операции ещё увидите врача. С ним и обсудите, чего ждать. А я отмечу, что хотите вернуться домой.

Она сделала отметку. Андрей услышал тихий щелчок экрана и подумал, что вот так просто и появляется строка. Произносишь два слова в тесном кабинете, человек за столом касается пальцем стекла, и потом эти слова едут домой раньше тебя. Иногда в точности как ты их сказал.

В коридоре Алиса подняла сумку и спросила, может ли проводить до поста. Андрей сказал, что может. Они дошли до лифта. Пока ждали, он посмотрел на табличку над кнопкой. На ней был указан предельный вес, а мест для обычных пассажиров умещалось столько, сколько раньше помещалось в кабину в его доме. Больничные лифты всегда имели более широкий проём. За сорок лет работы он научился по звуку дверей понимать, какая створка приходит первой. Здесь было тихо. Только пол под ботинками слегка дрогнул, когда подошла кабина.

В лифте висел экран с указателями. Алиса прочла нужный этаж и нажала кнопку. Андрей придерживал трость. В отражении широкой стальной полосы у дверей виделось, что он чуть клонится к ней, хотя по ощущениям стоял прямо. Ему захотелось сказать, что она хорошо спросила про даты. Вслух это прозвучало бы так, словно он оценивает, как дочь вела себя на приёме.

— Если врач назовёт даты, я тебе сообщу, — сказал он.

— Да. Только ты сам сначала реши, чего хочешь.

Он посмотрел на неё.

— Я же сказал. Домой.

— Я слышала. А если чтобы домой, надо будет кому-то ключ дать? Или кто-нибудь должен будет остаться на ночь? Я про это.

Двери открылись. Андрей вышел чуть быстрее, чем собирался, и наконечник трости стукнул о металлический порог. Алиса пропустила его вперёд. Ни за локоть, ни за плечо не взяла. Он знал, что она стояла достаточно близко, чтобы успеть, если бы понадобилось.

На этаже было тепло, и Андрей снял жилет. Алиса расстегнула сумку, чтобы уложить его, и кабель нашёлся в кармане под выписками. Андрей долго смотрел на белый моток, пока не вспомнил, что сам убрал его туда перед сном. Раздражение, которое он утром испытал на себя за забывчивость, к этому времени стало почти привычным. Теперь было неловко и за него.

— Значит, только окно, — сказала Алиса.

— Только окно.

Она застегнула сумку. Из папки торчал угол бумаги, и Андрей потянул за него. Достал старую выписку. Наверное, прихватил весь конверт, когда собирал документы. Верхний лист был сложен втрое, как их раньше складывали, чтобы можно было носить при себе. Напечатанная дата шла прямо над сгибом. Он прижал лист к стене, расправил и нашёл знакомую строку.

«Семейная помощь недоступна».

В шестьдесят восьмом он прочитал её уже дома. Алиса приехала гораздо позже, когда можно было поставить на стол полную кастрюлю и не показывать, как трудно её поднять. Он помнил пакет с продуктами, который забрал у неё у двери. Если бы она тогда сказала, что готова остаться, он, пожалуй, первым делом спросил бы, что у неё на работе. Принял бы помощь или нет, Андрей не знал. В тот раз до вопроса так и не дошло.

— Нашёл что-то? — спросила Алиса.

Он сложил бумагу по прежним сгибам.

— Старую выписку. Покажу потом. До работы успеваешь?

Алиса глянула на часы.

— Успею. Если нужна будет сменная рубашка или нормальные тапочки, напиши. Во второй половине дня с поста узнаю, когда можно прийти.

— Тапочек у меня достаточно. Рубашку положи, если домой зайдёшь. Та, что справа, с коротким рукавом.

— Хорошо.

У поста ему дали браслет и попросили проверить имя. Он проверил, хотя имя было видно через стол. Алиса подождала, пока он протянет руку, потом передала ему сумку. Андрей взял её обеими руками. В первый раз за утро почувствовал, что она и правда тяжёлая.

— Я позвоню сам, — сказал он.

— Ладно.

Она надела куртку, которую до тех пор держала на сгибе локтя. Андрей ждал, что Алиса ещё раз попросит его не забыть позвонить. Она поправила ворот, сказала «пока» и пошла к лифту. Только теперь он сообразил, что они даже не условились, будет она заходить сегодня или завтра. Можно было окликнуть. Алиса уже дошла до поворота и исчезла.

Ему показали крайнюю кровать. Мужчина в больничной рубашке сидел на кровати напротив. На тумбочке у него стояла чашка с наклеенным сверху листком. «Не пить» было написано рукой.

— Это вы себе? — спросил Андрей.

— Себе. Жена принесла чашку, а я спросонья забываю.

Андрей поставил тапочки рядом с кроватью. Подошва у одного снова отошла, и он повернул его носком к стене. Тот человек заметил, но ничего не сказал. Это Андрею в нём понравилось.

Ответа от «Свода» по-прежнему не было. Андрей развернул старую выписку. На обороте расписали дневные визиты. Они начинались в десять. Он помнил, как радовался, что до десяти никто не увидит, сколько времени он греет суп, и как к девяти уже прислушивался, не пришёл ли кто раньше.

Дверь палаты открылась. На пороге стояла Ольга с тонкой папкой. Андрей удивился, что она поднялась за ним. Женщина извинилась, что застала до осмотра, и попросила проверить, пришло ли ему уведомление о способах восстановления. Оно уже было в верхней строке экрана. Андрей принял его за напоминание о переводе в палату.

— Я же сказал, что поеду домой, — сказал он.

— Да, это отмечено. Тут адрес и часы, в которые можно посмотреть комнату. Один центр недалеко, за старым речным вокзалом. Можете открыть прямо сейчас. Иногда после операции меньше сил всё это смотреть.

Она говорила приветливо и вполголоса. За дверью кто-то ждал её с папкой, и Ольга придерживала створку плечом, чтобы не захлопнулась.

— Комнату для кого?

— Для вас. Предварительно.

Андрей открыл уведомление. На экране появился пустой коридор с матовыми дверями. Сбоку был виден поручень, такой же, как вдоль больничной стены. Камера остановилась перед комнатой. У двери стояла тумба, на тумбе — пластиковый стакан. Под изображением было написано: «Осмотреть место до выписки».

Он посмотрел на Ольгу. Она всё ещё держала дверь, и Андрей вдруг понял, что ждал от неё одного простого объяснения. Что картинка открылась у всех, кто сегодня поступил, и он может закрыть её так же легко, как закрыл бы объявление о погоде.

— Это просто посмотреть? — спросил он.

— Да, пока просто посмотреть. Если ночные визиты не подтвердятся, у вас уже будет куда ехать.

Андрей провёл пальцем по экрану. Под фотографией открылась памятка. Там уже были его имя, адрес центра и список вещей на первые несколько дней. Сверху стояла пометка «Предварительный вариант». Он поискал кнопку, которой можно было бы ответить, что всё это он увидел впервые. На экране предлагали выбрать только время осмотра.

Глава 5. Три вечера

На следующий день Алиса привезла в больницу рубашку с коротким рукавом и запасной кабель, хотя отец уже нашёл свой в сумке. Когда собирала пакет, он лежал у самого края стола, и ей показалось глупым оставлять его дома из одного только упрямства.

Отец после операции уже вставал. Он сообщил об этом накануне вечером одним сообщением: «Встал». Алиса спросила, дошёл ли куда-нибудь. Он ответил, что у кровати тоже можно встать, и больше она его не расспрашивала.

Теперь справа от кровати стояли ходунки. Андрей сидел в носках, поставив обе ноги на пол. На столике лежала тарелка с обедом. От котлеты он отрезал кусочек, но до рта так и не донёс. Увидев Алису, положил вилку.

— Как окно? — спросил он.

— Закрыла вчера. На кухне ничего не намокло.

Он кивнул так, будто только теперь поверил, что вчера вечером и правда шёл дождь.

Алиса вынула рубашку. Отец взял её за плечи, встряхнул и положил к себе на колени. В больничной одежде он казался ниже ростом. Ей хотелось ему помочь переодеться, но он ещё не успел решить, собирается ли переодеваться. Она села на стул и стала ждать.

— Говорят, к вечеру пройду до двери, — сказал он.

— Сегодня?

— Нет, через год.

Алиса засмеялась. Отец поглядел на неё и тоже улыбнулся. Потом взялся за край кровати, чтобы сесть глубже, и улыбка сошла у него с лица.

— Помочь?

— Подержи рубашку.

Он подвинулся сам. Она подождала, пока он усядется, и подала рубашку обратно. Отец сложил её пополам и положил на одеяло рядом с собой.

— Про выписку что-нибудь говорили? — спросила Алиса.

— Сегодня придут смотреть, как я хожу. А это вчера прислали.

Он протянул ей экран. На нём было открыто приглашение осмотреть комнату в центре восстановления. Под фотографией всё ещё стояла та же пометка: «Предварительный вариант». Алиса прокрутила страницу. В перечне вещей значились три смены белья, закрытые тапочки и одежда, в которой удобно сидеть на улице. Списка того, что нужно заранее устроить дома, здесь не было.

— Ты что-нибудь выбирал? — спросила она.

— Время осмотра предлагают выбрать. Я не нажимал.

— А с ночными визитами?

— Пока неизвестно. Сказали, хорошо бы первые дни одному не вставать. Как будто я собираюсь всю ночь ходить.

Она посмотрела на ходунки. Чтобы добраться до них, отцу пришлось бы сперва спустить ноги с кровати и на что-то опереться. Дома между стеной и кроватью было тесно. Тут же нашлось несколько способов всё устроить. Отодвинуть тумбочку, убрать коврик, подвинуть кровать. Ни один из этих способов не отвечал на вопрос, кто услышит, если он позовёт ночью.

— Я могу узнать про свои смены, когда будут даты, — сказала Алиса.

— Скажешь, какие дни можешь, и всё.

— Когда узнаю.

— Я и говорю, когда узнаешь.

Он сказал это довольно мирно. Алиса, однако, уже услышала то, чего он не произнёс: назови сейчас хоть один день, с остальным разберёмся. Возможно, он думал совсем о другом.

От таких догадок у неё с отцом нередко начиналась ссора, которой они потом не могли найти начала.

— Помнишь, у мамы был график на холодильнике? — спросила она.

Андрей взглянул на неё. Он дотянулся до тарелки и переставил вилку так, чтобы ручка не свешивалась.

— Было несколько.

— Тот, где у меня три вечера.

В ноябре пятьдесят восьмого Алисе было двадцать восемь. Она совсем недавно съехала из квартиры, где зимой продувало пол, в другую, где после девяти вечера отключали грузовой подъёмник. До работы теперь можно было добираться за двадцать минут, если выйти вовремя. В дни, когда она ехала к родителям, эти двадцать минут ничего не значили. В конторе она оставляла кружку с недопитым чаем, спускалась по лестнице и на ходу звонила отцу, чтобы выяснить, купил ли он хлеб. Почти каждый раз он говорил, что хлеб уже есть, а дома выяснялось, что это вчерашний, на один бутерброд.

Елена к тому времени могла пройти из комнаты на кухню, если было за что держаться. Андрей всё освобождал ей дорогу, и однажды она велела поставить стул посреди прохода, чтобы можно было опереться на спинку. Отец поставил стул у стены. Елена попросила ещё раз. Он переставил, но, едва она улеглась, отнёс стул к стене, чтобы утром самому об него не споткнуться. Когда Алиса пришла, стул всё-таки стоял посреди коридора. Никто ей не сказал, кто его передвинул.

На кухне тогда висела обычная тетрадная страница под магнитом с волжским теплоходом. Сверху Андрей написал крупно: «Вечер». Ниже шли лекарства, ужин, вода, ещё лекарства. Напротив времени стояли инициалы. Алиса подошла отрезать хлеб и увидела своё имя. Оно было вписано сразу в три клетки: вторник, четверг, суббота.

— Пап, а это чья неделя? — спросила она.

— Со следующей. Там наверху дата.

Андрей занимался дверцей шкафа, которая просела и царапала снизу столешницу. Он держал дверцу плечом и затягивал винт. После слова «дата» взялся за другой винт. Алиса всё ещё стояла с ножом над доской.

— А почему четверг и суббота тоже мои?

— Ты же в прошлую субботу приезжала.

— В прошлую субботу ты попросил подменить. У тебя вызов был.

— Ну. И во вторник можешь.

— В этот вторник. А в четверг я работаю до девяти.

— Поменяешься, как в прошлый раз.

Он отступил от дверцы и попробовал её закрыть. Теперь она не задевала столешницу, зато на самом верху щель стала шире. Андрей присел посмотреть, где перекосило. Алиса положила нож на доску. Три вечера, которыми он распорядился, действительно существовали. В начале месяца она приехала во вторник после работы. В четверг подменилась с другой диспетчершей, потому что у отца был приём у врача. В субботу осталась у Елены до ночи, пока Андрей ездил к застрявшему лифту. Она помнила, что в среду после этого купила себе хлеб в булочной возле конторы и съела половину по дороге, потому что дома ничего не было. Почему именно хлеб, она не знала. Просто в тот день впервые за неделю у неё нашлось время купить себе то, что захотелось.

— Ты с кем это согласовал? — спросила она.

— С районной службой. Они смотрят, когда ещё нужен человек. Если по вечерам совсем никого нет, ждать дольше. А так к нам в понедельник придут, познакомятся.

— Ты им сказал, что я буду приезжать три вечера?

Андрей выпрямился. Винт остался у него между пальцами.

— Я сказал, что ты помогаешь.

— Помогаю. Я и сейчас здесь.

— А если бы я сказал, что никто не помогает, они бы спросили, как мы до сих пор справлялись.

Она хотела спросить: и что бы он ответил? Пришлось бы стоять и слушать, как отец объясняет, что справляется, когда видеть это и так было достаточно. У него кожа на костяшке правой руки треснула и слегка кровила. Он заметил только тогда, когда взялся за светлую дверцу, и вытер руку о брюки.

— Вы можете потише? — спросила Елена из комнаты.

Алиса выключила вытяжку, хотя та и без того почти не шумела. Андрей положил отвёртку рядом с хлебом. Они оба пошли к Елене, и оба остановились у двери, давая друг другу пройти. Из комнаты пахло кремом для рук и тёплой пылью от лампы.

Елена сидела, привалившись к подушкам. На одеяле лежали книжка и пустая чашка. Она посмотрела сперва на Алису, потом на Андрея.

— Ты винт поменял?

— Подтянул.

— Так я и без отвёртки слышу. Закрой дверцу потом ещё раз, ладно? Ночью от неё хлопок на всю квартиру.

Отец взял чашку и вышел. Елена подождала, пока на кухне пойдёт вода.

— Ты будешь в четверг? — спросила она.

— Мам, не могу. Я там до девяти.

— А Ира? Вы же менялись.

— Ира тогда за меня отработала. Теперь я должна за неё.

— Должна. Ну конечно.

Елена отвернулась к окну. На подоконнике у неё стояли три горшка. Два пустых, в одном оставался стебель герани, сильно оголившийся снизу. Елена всё просила не выбрасывать его до весны. Алиса подрезала сухие листья и старалась не говорить, что стебель тоже давно высох.

— Просто в четверг он с утра на ногах, — сказала Елена. — Мне к вечеру трудно одной. Я целый день думаю, смогу ли сама до туалета, и к вечеру устаю от того, что всё время об этом думаю.

Она говорила негромко, но Алисе послышалось в её голосе раздражение. Мать раньше по десять раз за смену помогала чужим людям подняться, причём всякий раз спрашивала, за какую руку взять. Теперь, когда ей стало тяжело ходить, она терпеть не могла, если кто-нибудь касался её руки прежде, чем она сама её протянет. В присутствии дочери это случалось чаще. Алиса обычно видела, что мать качнулась, и успевала схватить её. Елена сердилась. Потом, когда надо было отойти на шаг, звала Алису обратно.

— Я могу после смены приехать, — сказала Алиса. — Но раньше половины десятого не буду.

— Тогда уж приезжай в другой день. Поздно через весь город мотаться.

Алиса услышала, что мать сказала это с обидой, и тоже обиделась. Пока обе молчали, Андрей вернулся из кухни. Вымытую чашку он принёс уже с чаем. Поставил на тумбочку и подложил под ручку сложенную салфетку, чтобы ручка смотрела в сторону кровати. Елена сделала глоток.

— Я хотела с лимоном.

— Сейчас принесу.

— Да сядь ты. Я и так выпью.

Он сел на край кровати. Елена пила чай, придерживая чашку обеими руками. Большим пальцем она погладила Андрея по запястью, там, где выступала кость. Алиса вспомнила этот

жест гораздо позже. В тот вечер она следила за чашкой. Боялась, что мать прольёт себе на колени, а она опять бросится ловить и услышит, что никого не звали на помощь.

— Давайте в четверг кого-нибудь попросим, — сказала Алиса.

— В понедельник человек придёт, тогда и попросим, — ответил Андрей.

— В службе уже думают, что четверг закрыт.

Елена поставила чашку. Салфетка сбилась и осталась под её ладонью.

— Что значит «закрыт»?

— Папа вписал меня. Вторник, четверг, суббота.

— Я записал, как мы в этот раз сделали, — сказал Андрей.

— Там дата следующей недели.

Андрей уже открыл рот. Елена подняла ладонь, и он подождал.

— Алиса, ты говорила, что сможешь каждую неделю?

— Нет.

— Мне тоже такого не говорила, — сказала Елена. — Андрюш, покажи, пожалуйста, что у них записано.

Он отыскал экран на кухне и принёс. Елена взяла его, но не стала ничего нажимать. У неё в тот период плохо сгибались пальцы, особенно к вечеру, а Андрей имел привычку держать экран перед ней и перелистывать на свой лад. Она попросила положить его на одеяло. Андрей положил. Алиса подошла с другой стороны, чтобы мать могла видеть и её, и текст.

Первую страницу они пропустили. На второй Алиса увидела свою фамилию. В графе о семье стояли те же три дня. Справа, отдельной строкой: «Согласовано с близкими». Елена прочла фразу вслух. Без выражения, как адрес на конверте.

— Мне сказали, главное, чтобы мы своими силами хотя бы часть недели закрывали, — сказал Андрей.

— Я слышала, — ответила Елена. — Я сама тебе утром сказала, что, может, Алиса сможет взять ещё день. Мне надо было сначала у неё спросить.

Алиса села на стул. Она весь вечер думала, что мать ждёт от неё согласия, и сейчас, когда Елена произнесла это прямо, ей стало даже холодно. Мать хотела, чтобы она приходила чаще. Ей правда было трудно ждать до половины десятого и страшно подниматься ночью. Алиса могла всё это понимать и всё равно хотеть в четверг после смены поехать к себе. Только прежде ей казалось, что свою часть этого желания надо как-то особенно хорошо обосновать.

— Я могу по вторникам, если заранее знать, — сказала она. — На этой неделе могу ещё в субботу. Дальше давайте спрашивать.

Андрей кивнул не сразу. Он смотрел на свои руки, будто оставил на них что-то, что следовало смыть, прежде чем трогать одеяло.

— Если сейчас вернуть график на пересмотр, понедельник тоже могут передвинуть, — сказал он. — Мне объяснили: пока уточняют, в какие дни у нас никто не приходит, время визита за нами не держат. Если понедельник отдадут кому-нибудь, опять неизвестно сколько ждать.

Елена прикрыла глаза. Алиса подумала, что мать уснула прямо посреди разговора. Через несколько секунд та спросила:

— В понедельник точно придут?

— Обещали.

— Тогда дай мне копию графика. Эту, с фамилией. Хочу, чтобы была у меня.

Андрей сказал, что распечатает на работе. Алиса предложила переслать себе и принести утром. Елена сказала, что ей нужна бумажная копия, и попросила обоих об этом не забыть. Потом повернула голову к Андрею и сказала:

— Ты поел сегодня?

Он ответил, что по дороге. Алиса знала, что в мастерской на первом этаже закрылась столовая. Но продукты могли принести сверху, или он мог поесть у кого-нибудь на вызове. Ей не хотелось в тот вечер разбираться ещё и в этом.

На кухне она оторвала от холодильника тетрадный лист. Четверг и субботу следующей недели перечеркнула одним движением. Ниже приписала: «Приду в ближайшую субботу. Только в эту». Отец пришёл за лимоном и увидел лист у неё в руках. Он не стал ничего исправлять. Отрезал ломтик, положил на блюдце и спросил, есть ли у неё дома сыр. Она ответила, что есть. Он всё равно сунул ей в пакет кусок, завёрнутый в бумагу. Сыр потом лежал в холодильнике у Алисы неразвёрнутый до воскресенья. В воскресенье она вернулась из магазина и обнаружила рядом с ним ещё один, который только что купила сама.

В больнице Андрей наконец убрал тарелку на край столика. Алиса заметила, что он всё-таки съел тот кусочек котлеты. Возле вилки остался отпечаток её зубцов.

— Я помню сыр, — сказала она. — Как ты мне его сунул в пакет. А про график мы потом разговаривали?

— Наверное, разговаривали. Не помню.

— Со мной — нет.

Через палату прошла медсестра и приоткрыла окно. Спросила, не дует ли. Андрей ответил, что нормально. Алиса застегнула верхнюю пуговицу своей кофты. Из двора поднимались голоса. Кто-то просил подать ключи, и ему в ответ кричали с другого конца площадки, что ключи уже у него.

— Я не про холодильник, — сказала Алиса, когда медсестра ушла. — С холодильника я своё имя сняла. Что осталось у службы?

— Оставили как было на тот момент. Человек в понедельник всё-таки пришёл.

— И думал, что вечером я?

— Не знаю, что он думал. Мы с ним про другое разговаривали. Он показал, как твою маму с кровати поднимать. Я после этого ещё недели две при ней случайно за ту руку хватал, за которую нельзя. Она ругалась. Потом ничего, научился.

Алиса представила его в той комнате возле кровати. Мать говорила, куда переставить ногу, и следила, чтобы он не наклонялся слишком низко. Андрей сердился, если Елена объясняла по нескольку раз. Со стороны казалось, что они всю жизнь именно так договаривались. Алисе понадобилось много лет, чтобы вспомнить, как иногда отец останавливался посреди движения и ждал, пока мать скажет, можно ли продолжать.

— Ты ей принёс копию? — спросила она.

Андрей потёр большим пальцем край больничного браслета.

— Кажется, да. Дома где-то должны быть эти бумаги.

Алиса хотела спросить, где именно. Вчера, закрывая окно, она видела у кухонного стола ящик с бумагами. Другой стоял у отца под рукой в спальне. Она могла бы перебрать оба за полчаса. Но на этот раз вернулась к вопросу, с которого начался разговор.

— У тебя и сейчас в карточке сначала решили, что дома помочь некому, — сказала она. — Я хочу понять, кто спросил.

— Ольга вчера спросила. Ты сама слышала.

— Вчера у неё уже стояло, что помощь недоступна.

Он поднял глаза. На этот раз не ответил сразу. Алиса заметила, что ему хочется сесть выше, и подложила ладонь под спинку кровати, чтобы дотянуться до кнопки. Остановилась и спросила, поднять ли изголовье. Андрей кивнул. Кровать тихо загудела. Когда он велел остановиться, она отпустила кнопку.

— Пока они ничего не назначили, — сказал он. — Я и туда не согласился.

— Я знаю. И я не хочу, чтобы там вместо меня написали «приедет», только потому, что я сегодня принесла рубашку.

Он посмотрел на рубашку. Она лежала у него под рукой, вывернувшись одним рукавом.

— Я не буду обещать, что ты приедешь.

— Тогда зачем ты сказал это про маму? Что оставили как было.

— Потому что тогда иначе было нельзя, Лис.

Он редко звал её так. Алиса давно не слышала этого имени в больничной палате. У матери получалось протянуть его чуть дольше, даже если она звала из соседней комнаты и спешила. У отца получалось коротко, с ударением, будто между ними шёл спор и надо было удержать её внимание. Сейчас он произнёс его устало. Алиса на секунду захотела отложить всё до следующего визита, дать ему пообедать, выйти в коридор и купить кофе. Она отодвинула край пакета, который шуршал у её ноги.

— Тебе тогда иначе было нельзя, — сказала она. — А мама что?

Андрей взял рубашку, вытянул рукав и разгладил его на одеяле.

— Она согласилась оставить всё как есть.

Алиса вспомнила, как мать попросила копию. Не тетрадный лист с холодильника. Ту, с фамилией.

— Откуда ты знаешь?

Глава 6. Экземпляр Елены

Андрей ответил, когда Алиса уже вышла из палаты.

— Лис.

Она вернулась. Он сидел на кровати с рубашкой на коленях. За то время, что она простояла у двери, он успел просунуть руку в рукав и теперь никак не мог нащупать другой.

— Подержи здесь, — сказал он.

Она подержала. Андрей попал в рукав, одёрнул рубашку и взялся за пуговицы. У этого, решила Алиса, есть то преимущество, что теперь им обоим можно некоторое время смотреть на его руки.

— Я не помню, какими словами она сказала, — проговорил он. — Помню, что в понедельник мы человека ждали. Оба. С утра.

— Это я поняла.

— А потом всё уже пошло. Визиты, лекарства.

На третьей пуговице он сбился и застегнул её на соседнюю петлю. Алиса заметила, но промолчала. Андрей дошёл донизу, удивился, что одна лишняя, и начал расстёгивать. Второй раз она не предложила ему помочь.

— Можно я дома посмотрю бумаги? — спросила она. — Ты вчера достал старую выписку. У тебя тот лист, где визиты расписаны. Может, к нему что-нибудь ещё было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.